

Принцип Софии: история философии и современность

Проблематика определения концепта София в истории русской религиозной философии является важнейшим интеллектуальным опытом отечественных мыслителей, изначально связанный с религиозно-мистической традицией христианства. Трактровка данного понятия в работах В. Соловьёва, С. Булгакова, П. Флоренского, С. Франка позволяет проследить их духовный поиск в понимании сущности Софии с позиций философской рефлексии. Однако если задуматься над генезисом многовариантности толкования концепта София русскими религиозными философами, то можно выйти на не менее сложное осмысление проблемы её эстезиса.

Эстезис можно характеризовать, «как чувственное явление идеи», пронизанное мыслью и зафиксированное в художественных произведениях. Эстезис, как зафиксированный (буквально, отслеженный) образ, проявляет мыслимую идею в практике непосредственного, чувственного познания, становясь первичным уровнем формирования базовых архетипов, ценностных установок сознания в артефактах, произведениях искусства. В этой связи эстезис Софии предшествует её концептуальному обоснованию.

Эстезис Софии, как чувственно-воспринимаемый образ, фиксируется в традиции письма русской иконописи.

В новгородской иконе «София – Премудрость Божия» на троне (возвышении) сидит огнеликая Дева-Ангел в царской порфире и короне. Её престолу предстоят Богородица и Иоанн Креститель, молящиеся за весь род человеческий. Ангел огня в женской ипостаси, София-Премудрость Божия – феномен теофании – мистического явления Бога в человеческом мире:

- она имеет духовное тело и лицо;
- она – огонь вдохновения разлитый в материи, просветляющей её высшим смыслом Логосом - Словом Бога;
- она - самостоятельное духовное начало, творческая сила бытия, производная от Живоначальной Троицы.
- она проявлена во всём, что стало быть по слову Бога и, что проходит искушение злом.

Образ иконы «София – Премудрость Божия» связан с мистическим опытом «восхищения» (буквально, «похищения», неожиданного

исчезновения человека из мира земного через божественное откровение его душе мира небесного), которое сопровождается возгоранием Духа Святого в сердце человека, преобразующего его тварную природу в природу Творца.

Изначально, согласно Священному писанию, человек был создан по образу и подобию Бога. Но божественное подобие – бессмертие было утрачено человеком в результате грехопадения, а образ Божий сохранён в творчестве и свободе выбора. Поэтому, с позиции религиозного мировоззрения, борьба между силами добра и зла ведётся за софийный образ человека, который он должен отстаивать в себе, не смотря на все искушения, через целостную мудрость мыслей, слов, поступков и веру в Бога. Русская икона «София – Премудрость Божия» являет эсхатологический аспект этой последней духовной битвы небесных сил за человека, от которого требуется свободный нравственный выбор в пользу добра.

На иконе «Чистая душа», София – Премудрость Божия изображена на ней как царственная Жена, над которой сияет Солнце высшей мудрости Бога. Она держит сосуд с живой водой и призвана к спасению души человека, очищая её от пламени страстей, освобождая из заточения пристрастий плоти. София оказывается проводником человека в жизнь вечную для чистой, просвещенной божественными энергиями души и её иконописный образ восходит к ветхозаветному пониманию Премудрости Божией в «Книге притчей Соломоновых» и «Книге премудрости Соломона».

В ветхозаветных текстах эстезис Софии - Премудрости Божией соотносится не с эсхатологической проблематикой, а со смысловыми категориями быта. Бытие и его полнота определяется местом топологической укоренённости человека в пространстве дома, храма, в актах жертвоприношения, вкушения трапезы, распоряжений слугам своим. Премудрость пронизывает быт человека, она ближайшее, рассудочно-практичное качество жизни – язык её прост, ясен и всегда конкретен, она осязаема органами чувств и в круге быта человека помогает ему сделать правильный выбор в житейских ситуациях. Особенность её восприятия – это органы чувств осязания и обоняния. Древние иудеи чувствовали Премудрость, ангелов и Бога через обоняние и осязание – касание, своеобразное прикосновение, «трогание кожи». В «премудрых» библейских текстах нет зримости, мир божественных явлений в круге земном, познаётся «на ощупь», через касания, в нём нет перспективы времени, но есть постоянство «умного

делания» – здесь и сейчас, в топохроносе каждого дня, которое ведёт к встрече с Богом.

В отличие от осязательного постижения идеи Премудрости Божией Ветхого Завета, в русской традиции доминантой чувственного восприятия эстезиса Софии является лицезрение. Опыт лицезрения иконы в русской традиции, приводит к идее наличия лица, лика и личины у человека. Лицо – опыт родовой истории, мудрости рода, выраженной в наследуемых человеком черт отца, матери, предков. Софийность лица, личины и лика, являет собой опыт внутреннего выбора человеком своего нравственного пути. Если выбор человека заключается в следовании своим эгоистическим интересам, потакании страстям, то его лицо постепенно обретает черты личины – маски, за которой скрывается «мертвая душа»; но, если человек имеет «страх Божий», сохраняет в себе целостность веры, старается бороться с искушениями плоти, не смотря на ошибки и падения, понимает свою греховность, то постепенно в нём проступают черты лика – его лица в ипостаси своего первообраза – вечного Бога. В этой связи, иконы русских святых, смертных людей, стяжавших Дух Святой и взрастивших зерно бессмертного Логоса в сердце своём, свидетельствуют о том, что человек имел силу устоять в свете и открыл свой лик – своё лицо в вечности.

Практика лицезрения, своего рода различение физиогномических черт идеального образа характерна для русской картины мира. Икона – «умозрение в красках», архитектура храма, церковная служба – это всё способы образного мышления, лицезрения, узнавания лица. Физиогномика смысла пронизывает всё русское искусство. Предметный мир и всё мироздание пронизано Божественной Мудростью, промыслом Божиим, внутренним софийным смыслом, черты которого являют идеи «мира горнего» в «мире дольнем».

Неслучайно русские писатели так подробно представляют черты героев и с большим вниманием относятся к описанию лиц. В русском нарративе лицо является не только физиогномическим опытом познания, но и портретом души. Данный психологический аспект носит не прикладной характер изучения человека, а внимательное, включённое наблюдение за характером его мысли, слова и поступка. Процесс лицезрения в русской культуре можно соотнести с вопросом Понтия Пилата на допросе Иисуса Христа: «что есть Истина?» [3, Евангелие от Иоанна 18:38] с заменой на «кто есть Истина?», отвечая словами того же прокуратора: «Сё – Человек!». Человек в русской

культуре - носитель живого опыта Софии, которая является испытанием для его тварной природы. Смысл жизни не предзадан русскому человеку, он скрыт для него и осуществляется в момент нравственного выбора. В этом выборе человек имеет свободу воли, но при этом должен нести осознанную меру ответственности за свои поступки. По сути, мера ответственности человека за свой выбор оказывается в русской культуре мерой его лица, а, в конечном счёте, и внутренним голосом его совести.

Голос совести несёт в себе всё тот же эсхатологический пафос русской культуры, выраженный во встрече лицом к лицу человека и Бога. Эта встреча, не смотря на громадные просторы страны и пространственность лицезрения, происходит в одиночестве собственного «русского угла». «Русский угол» – интимное место уединения и размышления человека о смысле своей жизни, время внимания голосу совести своей души.

Однако в пределе мудрого, софийного молчания человеку раскрывается горизонт иной речи, иного отношения к миру, который можно характеризовать как «за-умную речь». Павел Флоренский, исследуя этот феномен, указывал на то, что в акте «за-умной речи» язык сочинить нельзя, а надо «прислушиваться к внутреннему прибою своей души. Не повторять заученные слова..., а петь...что поётся, что рвётся из переполненной груди всякий раз по-новому или... заново открываемыми звуками».

В «за-умной речи» слово становится новой, бессмертной плотью человека, вочеловеченным Логосом, запечатлённым в тексте художественного письма иконы, картины, книги, стихотворного ряда. Слово обрётённого животворящего смысла, оказывается мерой лица пишущего и высказывающегося, позволяя определить и понять его путь в поиске мудрости своего первообразного лика и в правде своего земного существования.